

В мае 2009 года в Санкт-Петербурге прошёл конгресс петровских городов. Самарская область включена во вторую группу регионов, где есть такие города, и одним из них назван Жигулёвск.

За Могутовой горой к Волге выходит широкое устье большого Морквашинского оврага. В долине между спускающимися с двух сторон к оврагу горами живописно раскинулись Моркваши. Село было основано на территории Самарской Луки в первые полтора столетия после присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству.

Освоение центральных гористых и прибрежных районов Самарской Луки шло медленнее, чем восточных и западных районов (там земли принадлежали самарскому Спасо-Преображенскому мужскому монастырю и ярославскому купцу Надеи Светешникову, позднее Савво-Сторожевскому монастырю). Первые селения здесь появились незадолго до проведения переписи Самарского уезда в 1646-1647 годах. Это были маленькие деревушки, населённые крепостными крестьянами самарских служилых людей Филитова и Порецкого.

Первое упоминание о Морквашах относится к 1647 году. Во время описи населённых пунктов Моркваши значились деревней, в которой тогда находились всего два двора. Эта деревня принадлежала самарскому помещику Василию Порецкому, владевшему и другим селом на Самарской Луке - Осиновым буераком с населением в семь человек. С конца XVII века по 1725 год село принадлежало дворянам Бронским, а в начале XVIII века было куплено графом Орловым у помещика Плещеева.

Дважды побывал Пётр I у села Моркваши. Первый раз в 1695 году во время Азовского похода, о чём была сделана запись в судовом журнале царского корабля: «28 мая проплыли мимо деревни Моркваши, сделав остановку на якорь против этой деревни из-за непогоды, к вечеру прошли Царёв курган». По Указу Петра I в окрестности Ширяева Буерака на Серную гору в 1720 году были переведены из Сергиевского уезда серный завод и поселение, состоящие «из деревянного конторского строения, из двух заводских дворов и около 40 мужицких домов подле горы», названные Серный городок. Об этом оставил сведения в своём «Путешествия» П.С. Паллас. Производство серы в Жигулях было значительным в масштабах того времени и достигло 1500 пудов чистой серы, которую добывали для военных припасов.

Второй раз Пётр I, проезжая в Астрахань по Волге, останавливался в Морквашах в 1722 году. Существует предание, как Пётр I поднимался на Лысую гору: «Стоя на палубе своего струга, увидел царь орла, парящего над самой высокой вершиной, свободно, уверенно, по-хозяйски. Огромные крылья тускло блестели на солнце.

«Как хозяин осматривает мои владения», - подумал с обидой царь и приказал пристать к берегу.

- Державна сия наша! Поднимемся и посмотрим, велика ли она. С горы посмотрим...

Сбежал по сходням на берег. Орёл всё ещё кружит в вышине, и Пётр яростно карабкается туда, к нему. Вельможи едва поспевают за царём.

Наконец поднялись. Взлохмаченный царь огляделся и не увидел птицы. Хрипло, торжествующе засмеялся.

- Дай-ка сюда! - Он выхватил у одного из солдат бердыш - боевой топор - и ударил им по твёрдой скале. Подумал и ещё ударил. И бил по неподатливому камню до тех пор, пока четко не обозначилось: «1722 г. Пётр Первый».

Смахнул царь со лба обильный пот, набил табаком трубку и с наслаждением глотнул горького дыма.

- Как называется сия гора? - спросил он у провожатого-старожила.

- Лысая гора, великий государь, - сказал провожатый. - А там, внизу, деревня Моркваши.

Стали спускаться к Волге. Пётр повеселел, смеялся...»

В 1870 году в наших местах побывал русский художник И.Е. Репин. В своих воспоминаниях он записал, как вдвоём с Васильевым они приехали в Моркваши на лодке; любовались красивым типом мужиков и баб, с уцелевшими ещё народными костюмами и высокими цилиндрами - гречневиками. От мирового судьи они узнали, что «на ближайшей скале над Волгой Пётр Великий собственноручно высек на камне своё имя. Мы сейчас же туда. Здорово вспотели, пока взобрались... Действительно, надпись была, хотя местами песчаник сильно выветрился, так что разобрать надпись можно было не без труда».

Через два года после Репина в Морквашах побывал Д.Н. Садовников, который так описывает свое посещение: «Местом для высадки на берег я выбрал Моркваши... В глаза... бросается кучка деревьев недалеко от берега, серенькая полоска избёнок, небольшой барский дом с террасой и рядом крошечная, до размеров часовни, церковь, окружённая белою каменною оградой. Невдалеке от сельца виден ещё не то трактир, не то кабак... Моркваши считаются самым живописным посёлком на протяжении всего жигулёвского берега. Горы здесь заметно сжали коренную деятельность русского крестьянина: хлебные поля тянутся узкой полосой, точно крадучись и обегая лесистые выступы холмов...

Гора (Лысая), казавшаяся с Волги вовсе невысокою, снизу была и высокой и крутой. Проводник проворно шёл вперёд, советуя идти по тропинке, но последней не оказывалось; под ногами были одни известковые камни, между которыми пробивалась кое-где короткая трава. На половине гор... я присел на каменный выступ перевести дух. Моркваши, лежавшие внизу, под самыми ногами, совершенно преобразились. С птичьего полета сельцо много выигрывало. Влево тянулись избёнки, огороды и окрестные жёлтые поля, и всё это так ясно выделялось в предвечерних сумерках... Направо Волга тихо стояла, налитая в свои красивые берега; зеленел какой-то остров...

Между тем проводник мой был чуть не на самой вершине, где начинался реденький лес, и что-то кричал. Гора пошла еще круче... направо - крутой обрыв, а налево - известковый гребень, отделявший от меня широкий вид на Волгу. Вот недалеко груда каких-то камней. «Что это?» - спросил я у проводника, который чего-то напрасно искал.

- Вот это самый Петров камень и есть, - отвечал он, - да я что-то подписи настоящей не могу найти, а она была тут недавно... Много такого было прописано, да видно нашински мужики на известку отбили...

В историко-краеведческом музее «Самарская Лука» города Жигулёвска хранится журнал «Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного», изданного в Санкт-Петербурге в 1845 году. В этом журнале помещена статья о путешествии по Волге академиков братьев Григория и Никанора Чернецовых. Путешествуя, они делали зарисовки «всех лучших видов, всех исторически замечательных предметов», на одной из которых был изображён Пётр Великий на Лысой горе, высекает на камне цифру 1722.